

9(C54)

Б-882⁴³

Г. И. БРОЙДО

ВОССТАНИЕ КИРГИЗ В 1916 г.

МОЕ ПОКАЗАНИЕ ПРОКУРОРУ ТАШКЕНТСКОЙ
СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ, ДАННОЕ 3-го СЕНТЯБРЯ 1916 г.)

НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ПРИ Ц. И. К. С. С. С. Р.

МОСКВА 1925

Г. И. БРОЙДО.

Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году.

(Показание, данное 3 сентября 1916 г. т. Г. И. Бройдо прокурору Ташкентской
Судебной Палаты по делу о киргизском восстании 1916 г.).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В начале августа 1916 г., в связи с мобилизацией киргиз на тыловые работы, началось брожение широких киргизских масс. В несколько дней это брожение превратилось в восстание, охватившее почти все Семиречье.

По подозрению в участии в этом восстании я был «срочно сдан в нижние чины» по телеграфному распоряжению военного министра, в ведении которого находилось управление Туркестаном. На следующий же день по получении этого приказа я был направлен в Казалинск в 1-й Сибирский запасный стрелковый полк, в казармах которого я и пробыл до первых дней февральской революции.

По пути из Пишпека в Ташкент я был допрошен прокурором Ташкентской Судебной Палаты.

Ниже печатаемое мое показание, данное прокурору Адамову 3 сентября 1916 года, было направлено главным своим острым на выявление деятельности власти, провоцировавшей это восстание.

Официальная и либеральная дореволюционная Россия выдвигала разные объяснения этого восстания. Рисовали это движение, как националистически-религиозное движение, объясняли его происками Турции и т. п.

Некоторые либералы, как, напр., Керенский, даже решались указывать на земельную политику Переселенческого Управления, которая, дескать, «слишком уж много» забрала у киргиз земли.

Но основное и главное — непосредственная деятельность власти, направленная на то, чтобы вызвать, спровоцировать восстание для уничтожения человеческого материала Киргизии и для расчистки земли для новых колонизаций — это обстоятельство тщательно затушевывалось.

Уже после восстания в 16 г. приезжал в Казалинск ген. Куропаткин и обещал местному казачьему населению наделы в Пржевальском уезде, в районах восстания.

В Переселенческом Управлении тщательно изыскивали новые земельные фонды для будущих инвалидов, и готовились к изысканию «земельки» русскому мужику, который должен был в результате войны поднять свой голос и оружие за землю.

Киргизское восстание и было одним из средств царских палачей, уже в 16 году искавших земли, чтобы заткнуть глотку революционизировавшемуся крестьянству. Вырезать киргиз, спугнуть их в Китай и захватить новые земельные фонды — вот что ожидало царское правительство в результате своей провокационной работы.

Эту провокацию оно, конечно, могло осуществить на почве полной дезорганизации хозяйства и общественных отношений киргиз, проводимых систематически более чем полстолетия.

Но именно эта дезорганизация была доведена до таких пределов, когда неммыслимо даже и восстание. Понадобился дьявольский провокационный план с мобилизацией, чтобы добиться восстания.

В истории колонизаторской политики империалистических держав этот прием не представляет собой ничего оригинального.

Систематическая работа по обезземелению трудящихся колоний, подавлению их общественной жизни, культуры, самостоятельности и, наконец, физическое уничтожение — все это являлось и по сей день является основой колониальной политики всех буржуазных государств, хотя бы прикрытых фиговым листком II Интернационала.

Работа компаний английских купцов два столетия тому назад в Индии в своей основе та же, что и политика современных тоже «рабочих», тоже «социалистических» правительств Англии, Франции и т. д. в Германии, Аравии, Персии, Китае.

Это систематическое угнетение колониальных народов в известный момент при благоприятных для империалистов условиях превращается в политику физического уничтожения трудящихся зависимых народов.

В этом смысле политика российского империализма в Семиречьи (Джетысу) представляет собой особый интерес.

Она прошла все стадии мирового опыта империалистов в деле колонизаторской политики порабощения, физического и духовного уничтожения трудящихся колонии.

Мое «показание» имело своей целью изобличить эту политику российского империализма на конкретном опыте джетысуйских киргиз и вскрыть все разнообразные формы деятельности империалистов в отсталой колониальной стране.

Копия этого показания, посланная немногочисленным в то время сознательным революционерам среди киргиз Джетысу, должна была послужить агитационным средством, почти единственно возможным в то время в Джетысу.

Советская власть положила конец тому состоянию, в котором находились народы, населявшие «тырьюм народов» — царскую Россию.

Но империалистическая деятельность царской России оставила большое наследие унижения, отсталости хозяйственной и культурной бывших угнетенных народов, с которыми справиться можно будет лишь упорной работой советской власти в течение многих и многих годов.

Эта деятельность империалистов оставила в наследие общественное разложение, гниение, внесенное в хозяйство, общественные отношения, идеологию целых поколений, и лишь упорной длительной работой по организации и укреплению парт-организаций, союзов бедноты советской власти можно будет изжить это тяжелое наследие российского империализма.

Но чтобы бороться с этими результатами хозяйничания царских сатрапов — приказчиков российского империализма в Джетьгсу, — нужно изучать эту работу наших врагов — колонизаторов. Поскольку это мое «показание» 1916 г. и в настоящее время является материалом, содействующим этому изучению и облегчающим борьбу с еще живыми остатками колонизаторства, я считаю возможным его опубликование.

Г. И. БРОЙДО.

I. Деятельность Переселенческого Управления и земельный вопрос в Семиречье.

Устройство поселков в Семиреченской области началось немедленно после завоевания края. «Устроителями» являлись чины администрации, действовавшие по Времен. Правилам 68 и 83 годов. Вселение русского элемента производилось вначале исподволь и безболезненно для туземного населения. Администрация под руководством ген. Колпаковского действовала осмотрительно, внимательно относилась к вопросу об изъятии земли от киргиз. С другой стороны, переселение в Семиречье не носило массового характера, и в большинстве случаев поселки устраивались по добровольному соглашению с киргизскими обществами.

С образованием Переселенческого Управления (1905 г.) заселение края пошло быстрыми шагами вперед, но наряду с этим, благодаря полному игнорированию Переселенческим Управлением интересов туземного населения, такими же быстрыми шагами пошло вперед разрушение туземного хозяйства, в частности скотоводства.

Свою деятельность по образованию переселенческих запасных участков Управление основало на 1-м примечании к ст. 120 Степного Положения, в силу которого «земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Главного Управления Земл. и Землед.». Из примечания к ст. 120 в связи с ст. 126 следовало, что под понятие «излишние земли» подходят лишь земли, оставшиеся по отводе кочевникам нужных им земель, т.-е. по устройении их в возземельном отношении.

На практике выработался другой способ. Были выработаны для различных местной нормы наделения кочевого населения (от 30 до 60 десятин на кибитку, т.-е. на хозяйство). С помощью этих норм и списков кибитковладельцев данной волости определялось количество земли, «подлежащее отчуждению» в данной волости, определялась площадь всей волости, и за вычетом из нее земли, подлежащей оставлению в пользовании киргиз, оставшая признавалась излишней. Так определялись «излишки» в количественном отношении. Далее, производитель работ Переселенческого Управления командировался в данную волость для запроектирования в натуре переселенческого участка. Таким способом запроектировывались лучшие земли. Проект этот утверждался Времен. Комиссией и по вступлении постановления в законную силу (месячный срок на обжалование в Областном Управлении) участок заселялся зарегистрированными в Переселенческом Управлении кандидатами на устройство. Таким же порядком (ст. 124—154 Правил о переселении на казенные земли, т. IX, кн. 8) шло образование из киргизских земель оброчных статей, лесных дач, скотоводческих и хуторских участков. Неправильность такого способа изъятия и противоречивость его историческому смыслу закона была признана ревизией сенатора Палена.

В нарушении правил о переселении Переселенческое Управление пошло значительно дальше отмеченного.

Закон ограждал киргизское хозяйство, запрещая включать в образуемые участки «постоянные общественные угодья, к числу коих относятся: усадебные земли, пашни, огороженные покотины, сады и душевые покосы» (ст. 132). Переселенческое Управление вышло из этого затруднения, установив денежное вознаграждение за изъятие земель, перечисленных в ст. 132. Денежное вознаграждение определялось в размерах, не могущих возместить наносимый изъятием ущерб. Так, например, цена одной десятины клеверного поля определялась в 15—25 рублей. Помимо всего, вопреки ясному смыслу ст. 133, предоставляющей смещаемым киргизам пользоваться 2 года своими землями, киргизы смещались немедленно. С другой стороны, причитающиеся им суммы за изъятые хозяйственные затраты выдавались через 3—5 лет после их смещения. Наряду с этим полная неопределенность в земельном положении киргиз, неизвестность, какие земли будут изъяты в будущем году, заставляли киргиз воздерживаться от разработки новых земель, могущих по обработке их быть вновь отчужденными. Закон говорит об изъятиях их земель, входящих в состав волости. Основанием такого правила являлось то соображение, что волость, являясь хозяйственной единицей, должна и после изъятия оставаться таковой. Переселенческое Управление, в особенности за последние 6—7 лет, переступило через это правило, допустив из одной волости изъятия в большем количестве даже по сравнению с количественным исчислением «излишков». Производители работ Переселенческого Управления докладывали, что в такой-то волости излишков (т.-е. количества земель, подлежащих изъятию у киргиз) нет, и что, несмотря на это, ими запроектирован переселенческий участок с предоставлением киргизам данной волости земельной компенсации из другой киргизской волости.

Этими землями (предоставленными в компенсацию) киргизы не пользовались, ибо у них не было средств к смещению киргиз другой волости, и это вызывало крупные недоразумения между киргизами обеих волостей.

Когда в Пишпекском уезде (в особенности в лучшей части его — от поселка Рыбачьего до границы Аулиятинского уезда) не осталось волостей с излишними землями, Переселенческое Управление выработало план компенсаций на летнем пастбище (Джайлау) на Сусамыре. За земли, которыми возможно было пользоваться круглый год, предоставлялась компенсация на Сусамыре, где ими можно было пользоваться 2—4 месяца и притом лишь как пастбищем.

Следует заметить, что к такого рода компенсациям Переселенческое Управление перешло после образования на Сусамыре целого ряда громадных скотоводческих участков в виде оброчных статей и не приведя даже в известность количества оставшейся еще свободной земли, могущей быть использованной в виде компенсации.

При этом Переселенческое Управление не указывало даже, какие именно земли на Сусамыре переходят в пользование обездоленной волости, ибо в большинстве случаев указать такие земли и невозможно было.

Какое значение такого рода компенсациям придавали сами члены Врем. Комиссии видно из того, что в заседаниях слова «компенсация на Сусамыре» для краткости заменялись (и вошли в обиход) словами «на небо».

Такого рода деятельность Пересел. Управления проявлялась не только в тех случаях, когда вынуждалась какими-либо планами заселения, которых у Переселен. Управления никогда и не было, но и во всех тех случаях, когда группа прищельцев путем самоуправства, насилия и т. п. захватывала киргизскую землю. Против этих, так называемых, самовольцев не предпринималось никаких серьезных мер, и земельные права киргиз нарушались не только Переселенческим Управлением, но и частными лицами под покровительством Переселенческого Управления и администрации. В таком порядке (захватом) были легализованы и устроены Пересел. Управлением большое количество поселков, как, напр., Касык, Санташ, Белогородское, Полтавский (Фольбаумовский, бывш. «Свиный поселок») и многие другие. Все жалобы киргиз на такого рода захваты оставались без всякого внимания, и, «устраивая» эти поселки, Перес. Управление часто отбирало у окрестных туземцев воду, необходимую для хозяйства последних.

Плана заселения, как я уже говорил, никакого не было. Предписано было лишь, как можно больше запроектировать десятин земли. И, провозжая на эти работы чинов Управления, завед. перес. делом Велецкий указывал то количество десятин, какое они должны запроектировать для получения права двигаться по службе вперед.

Один из таких чинов, Мазуренко, дошел в своих «запроектированиях десятин» до того, что запроектировал для изъятия часть Кияга. В результате бывали случаи, что командированные чинов убеждались в полном обезземлении киргиз. Так, один из них по осмотре оставшейся у киргиз земли доложил, что на осмотрен-

ной им площади «он не обнаружил ни воды, ни земли», так как вся площадь представляла собой скалистые вершины гор.

Образование участков шло без какого-либо обследования, достойного такого названия, часто с неверными вычислениями площадей в сторону преувеличения. Это обстоятельство являлось следствием возложения на производителей работ обязательства за лето запроектировать громадное количество десятин (до сотни тысяч), незначительным составом землеустроительных партий и весьма низким уровнем личного состава.

Мне приходилось пересмотреть много проектов и убедиться, что под громким заглавием: «Статистическое, коммерческое, метеорологическое, агрономическое, геологическое и этнографическое обследование» помещается материал на $1\frac{1}{2}$ —3 страницах. Это небрежное отношение к вопросу о целесообразности данного изъятия привело к тому, что вызвало к жизни целый ряд нежизненных и потерпевших крах проектов. Так, например, образованные на Сусамыре переселенческие участки, о которых было дано агрономическое заключение в том смысле, что там вызревает ячмень, через год после заселения опустели: там ничего не вызревало, и зимой поселки оказались снежными завалами, отрезанными от всего мира.

В отношении же вопроса о быте киргиз Перес. Управление не принимало никаких доводов: изъятия понимались в практике, как экспроприация и только.

В казачьих станицах дело обстоит еще хуже. Нормальным наделом здесь считалось 30 дес. на душу, т. е. 100—150 десятин на семью, и для устройства казаков были изъят громадные площади, не могущие быть ими обработаны и сдаваемые в аренду киргизам.

В целях казачьего устройства Войсковое Управление еще менее стеснялось вопросом киргизского землевладения, чем Переселенческое Управление. В 1915 г по предложению генерала Фольбаума *) верненским казачьим станицам должна была быть образована земельная прирезка до пополнения первоначального надела казаков, сократившегося вследствие естественного прироста населения. Переселенческое Управление проектировало произвести эту прирезку с тем, чтобы как можно менее нарушить интересы таких киргизских хозяйств, которые уже носят характер сельскохозяйственного хозяйства. Генерал Фольбаум потребовал изъять от киргиз п р а в и л ь н у ю п л о щ а д ь, прилегающую к наделу казаков, что вызывало необходимость в смещении 3.500 киргизских семейств, ведущих оседлое сельскохозяйственное хозяйство. 3.500 налаженных хозяйств подлежат уничтожению в интересах правильности фигуры площади земли, подлежащей прирезке казакам по воле губернатора Фольбаума. Вопрос, кажется, окончательного разрешения не получил, но, конечно, будет решен согласно проекта Фольбаума, несмотря на протесты даже некоторых чинов Переселенческого Управления.

Отдельные лица, снимая в аренду определенное количество земли, захватывают огромные площади путем неопределенных указаний в приговоре границ и

*) Военный губернатор Семиреченской области.

прибавления слова «около» к числу десятин. При нежелании пропустить притвор административная требует точных указаний, а при желании пропустить этого не замечает.

Деятельность Переселенческого Управления и характер тех элементов переселенцев, которых оно устроило, привели к тому, что киргизское хозяйство сильно упало. Ежегодно наблюдается все большее увеличение падежа скота от бескормицы (джут). Падение хозяйства и обеднение вызвали сильную потребность в деньгах и займах. В степи все более развивается в самых ужасных формах ростовщичество, которым еще более, чем узбекские купцы, занимаются русские переселенцы, принимающее характер настоящей кабалы.

Среди киргиз заметно стремление перейти в оседлое состояние; стремление это «поддерживается» центральными правительственными учреждениями, хотя бы в форме освобождения переходящих в оседлость киргиз от уплаты налогов в течение 5 лет и половины в следующие 5 лет.

Заявление о переходе в оседлость превращается в новое основание для изъятий. Кочевая норма выше оседлой, которая, в свою очередь, ниже оседлой русской нормы. Норма эта для туземцев определена в Семиречьи Перес. Управ в 4—5 дес. на душу. При том количество потребной для киргиз земли уменьшается в случае обнаружения излишков; по обычному методу, изымаются до устройства киргиз новые излишки.

Когда вследствие деятельности Пер. Управ. прекратилась, даже при самых широких толкованиях закона, всякая возможность дальнейшего процесса экспроприации, администрация провоцировала действия, оправдывавшие экспроприацию земель, как наказание.

II. Внутренний строй киргизской волости.

Киргизы Семиреченской области представляют собой два племени: каракиргизы и казаки. Первые живут по левую сторону реки Чу, вторые — по правую. Племена эти искони состоят во враждебных отношениях, и взаимная вражда существует по настоящее время. Племена эти делятся на роды. У каракиргиз главными являются: богу, солту, сара сарабагыш, джантай и др. Роды эти представляют собой остатки родового устройства киргиз, в каком их застало завоевание. Руководителями этих родов были у каракиргиз «мананы», а у казаков — «султаны».

Звание «манана» было наследственным, и старший сын его наследовал. «Манан» по существу являлся организатором жизни всего рода, он определял кочевья и время кочевков, под его руководством приходил суд, через него происходили соглашения с другими родами и сношения с правительственными учреждениями того государства, под властью которого в данный момент киргизы находились. У «манана» почти никогда не бывало личного имущества, ибо имущество всего

рода было в его распоряжении. В изображении целого ряда историков (Бартольда, бар. Мейендорфа, генерала Гродекова и др.) «манапы» изображены, как деятельные организаторы жизни рода.

С завоеванием края, эти «манапы» являлись лицами, через посредство которых проводились все мероприятия власти в крае. С введением административного деления на волости фигура манапа стала изменяться. В начале волость соответствовала роду. Дальнейшее административное деление пошло, однако, вразрез с делением на роды. Новое волостное деление искусственно включало в одну административную единицу части двух родов, закладывая, таким образом, бесконечную внутреннюю борьбу в волости.

С другой стороны, избирательное право внесло брешь в принцип наследственности в институт манапства.

Избирательная комбинация волостных управителей внесла деление на «партии» *) в пределы одной волости. Недовольные деятельностью одного волостного управителя выставляли из своей среды другого кандидата. «Партийная» борьба вызвала систему взяток, — обращение за содействием к администрации, с помощью коей одна партия брала верх над другой и в период своего владычества всячески эксплуатировала партию побежденную. Порядок этот быстрыми шагами подвигался вперед и в настоящее время достиг своего апогея. В настоящий момент внутренняя жизнь волости представляется в следующем виде:

Одним из самых важных моментов жизни волости являются выборы. Аулы выбирают пятидесятников (представителей от 50), съезд пятидесятников волости — волостн. упр., судей и других должностных лиц. Выборы происходят под наблюдением уездного нач. и при деятельном участии его переводчика. Каждая партия рядом предварительных действий обеспечивает себе большинство. К таким средствам, в первую очередь, относятся: приписка к волости фиктивных или временных кибитководителей под видом приселившихся из других или отделившихся от старых кибитков. Новые кибитки называются «отау», а купленные фиктивные тслова — «кызыл пут». От администрации наблюдающей зависит при проверке до выборов списков признать эти новые кибитки «отау» и включить их, или признать их «кызыл путами» и исключить. Расследования фактически и определенно производятся переводчиком и письмоводителем уездн. нач. Задолго до выборов производятся манипуляции по изменению состава аулов. Напр., в ауле числится 97 кибитководителей, имеющих право избрать 2 пятидесятников. Партия А имеет 50 голосов, партия В — 47. Партия А избрала 2 своих представителей. Партия В представителей не имеет. 5 членов партии В из другого аула просят о причислении их к упомянутому аулу. Разрешение должно последовать от уездного начальника. Чем может руководствоваться уездный начальник в этом вопросе — неизвестно, так как с любой точки зрения обстоятельство является безразличным. Между тем, если по волости было 25 пятидесятников, при чем у партии А было 13 пятидесятников, а

*) Группировки вокруг данного манапа киргизы называли «партия». Борьба фактически шла между манапами.

у партии В — 12, то, если уездный нач. до выборов разрешит 5 киргизам перебраться из одного аула в другой, то на выборах у партии А будет 11 пятидесятников, а у партии В — 13—14, и вол. упр., и судья, и все должностные лица в этой волости будут из партии В.

Таким же средством является ходатайство о выделении части аула в самостоятельный. Аул насчитывает 97 кибитковладельцев. К партии А принадлежит 60 чел., к партии В — 37. Последние значения на выборах не имеют, но если они будут выделены в отдельный аул, то они получают право избрать одного пятидесятника и уменьшат на одного число пятидесятников партии А.

Вся эта хитрая механика является основой немомверных поборов всей администрации.

Против кандидата, могущего победить на выборах, иногда членами противной ему партии, возбуждаются уголовные преследования в народном суде. Направить это дело, приостановить его или рассмотреть до выборов зависит от уездного нач. Часто случается, что народный судья, рассматривающий дела под наблюдением уездн. нач., приговаривает какого-нибудь богатого и почетного бая к 1 году тюрьмы за кражу лошади.

Этот процесс различного рода подготовительных действий к выборам начинается с момента окончания выборов вплоть до будущих выборов. Представители победившей партии и волостная администрация все время принимают меры к сохранению своего положения, представители противной группировки ведут разными способами борьбу за получение этой власти на будущих выборах. Арена борьбы — уездное управление, начиная с уездн. нач. и кончая последним джигитом. Действия всех заправил направлены к обращению благосклонности «начальства» на свою партию.

Мне неоднократно приходилось слышать от киргиз, что уездн. нач. принадлежит к партии А, но пристав перешел в партию В. И всякий, самый серый киргиз любой волости, всегда вам ясно и определенно ответит о всех джигитах, переводчиках, приставах и переводчиках, уездных начальниках и их помощниках, к какой они принадлежат партии. В процессе уже самых выборов начинается усиленное одаривание всех могущих оказать влияние на исход выборов. Расходы эти принимают громадные размеры. Ново-Николаевская волость на выборах 14 г. израсходовала 30.000 руб. на дары и взятки во время выборов. Но нет ни одной самой захудалой волости, в которой выборы не обошлись бы в 2—3 тысячи. Немедленно по окончании выборов побежденная партия начинает принимать меры к аннулированию произведенных выборов путем обжалования их. Основаниями жалоб являются: указание на участие в выборах лиц, к волости не относящихся, обнаружение взяток, данных противной партией и т. д. По жалобам назначаются дознания, и от того, кто будет допрошен, либо победившей партией или побежденной, зависит успех жалобы. А избрание контингента допрашиваемых лиц лежит на завед. полицейской частью, который производит указанное дознание в зависимости от того, к какой он партии сам относится в момент производства выборов.

Весьма часто за промежуток времени между выборами и производством дознания его «партийные» взгляды меняются. Естественно, возникает вопрос о причинах возникновения такого рода «партийной» розни и о целях, которые победители преследуют.

Старый тип манапа постепенно превратился в обыкновенного эксплуататора волости, это — жулак-мироёд. Организация жизни волости вся перешла в руки администрации. Манап является приказчиком администрации в достижении в пределах волости тех или иных намерений членов администрации, которая за эти услуги предоставляет ему право бесконтрольной и самой беззащитной эксплуатации всей волости, в особенности бедноты. Манап через своих волостного управителя, судей и т. д. эксплуатирует побежденную партию, на нее возлагает уплату всех многочисленных незаконных поборов, с нее он получит даже те суммы, которые ему нужны будут для подготовки будущих выборов, для борьбы с кандидатами этой конкурирующей партии. Сила манапа в этой деятельности всецело определяется поддержкой администрации. Если завед. полицейской частью выйдет из партии этого манапа, то он моментально попадает под суд. Но манап, поддерживаемый членом администрации, может быть спокоен.

Убийство, учиненное им или человеком его партии, превратится в моментальную случайную смерть, с полицейским о том удостоверением. Если противная партия об этом убийстве донесет, то труп исчезнет, и по произведенному дознанию выяснится, что жалобщики вырыли труп и бросили его в реку (будут «свидетели»), чтобы предотвратить возможность удостоверения ложности их жалобы; помимо этого будет установлено, что жалобщики написали эту жалобу «из партийной вражды» (магическое слово всей Семиречинской администрации, в силу коего уездн. нач. по обнаружении «ложности» этой жалобы ликвидирует ее). Все незаконные поборы, по поводу которых была жалоба, таким же дознанием будут признаны результатом «партийной вражды» и т. д.

Заручившись содействием в смысле обеспечения безнаказанности своих действий, манап и его джигиты (т.-е. судьи, вол. упр. и т. д.) эксплуатируют противную партию в следующих формах:

Лучшие покосы и выпасы предоставляются лицам своей партии за счет владельцев партии противной. Если какому-либо члену администрации нужна земля, то она будет ему предоставлена из земель противной партии. Пример: воицкий нач. Писсаржевский ведет «в интересах и за счет казны» громадное хозяйство. У него пасется до 300 голов крупного скота; с помощью такого стада он ведет дело питания местной команды. Нужна земля. Обращается к одному из самых основательных, устойчивых (в смысле вспомоществования администрации) манапу Амиру Узбекову. Село Узбековское (свыше 500 кибиток) созывается на сход и постановляет сдать в аренду нач. Писсаржевскому около 300 десятин покоса, находящегося в 2—3 верстах от гор. Пишпека за 800 руб. Все обстоит, кажется, благополучно. Село Узбековское оседлое, и аренда проведена на сходе киргиз (а не выборных, как

у кочевых) в присутствии не менее $\frac{2}{3}$ всего состава. На самом деле, однако, надел сел. Узбек. состоит из 2-х частей: одна большая находится выше города, другая меньшая—ниже. На первой и лучшей сидят ашировцы, а на нижней сидят свыше 100 кибитковладельцев IV группы, относящейся не только к другой партии, но и к другому роду. Землевладение их ничего общего между собой не имеет, и они (т.-е. IV гр.) хлопчут о том, чтобы выделить их в отдельное селение. При устройении волости они даже просили об отдельном устройении и даже были выделены в отдельную (IV) группу. Но в самый момент устройства администрация нашла более удобным соединить эти 2 части, отделенные расстоянием в 8—10 верст другими владениями и состоящие из людей разных даже родов.

Эта меньшая группа искусственно и искусно отдается на с'едение Амиру Узбекову и является той коровой, из коей Амир будет доить необходимое для разных чинов молоко. В указанном случае покосы (около 300 десятин) были нарезаны Писсаржевскому из земель IV группы, и киргизы остались абсолютно без сенокосения. На сходе киргиз IV группы не было, их не извещали (и никогда почти на сходе они не бывают), и узнали они об этом, когда солдаты приехали с сенокосилкой и косами. Жалоба, расследование. Дознанием устанавливается, что по осмотру приговора оказалось, что присутствовало законное число киргиз сел. Узбековского (в состав коего входит пристегнутая IV группа), и что в отмене приговора нет никаких оснований. Инцидент исчерпан. IV группа без покоса. Деньги в сумме 800 руб., если они и были получены, поступили в карман Узбекова, а не на общественные надобности, даже в том случае, если они каким-либо образом проведены на общие нужды. Из лиц партии Узбекова жаловаться никто не будет, ибо у него достаточно средств заставить молчать. Основной денежной операцией волостной администрации является сбор налогов и сумм на волостные расходы. Первые (налоги) взыскиваются общей администрацией не с самых плательщиков, а с того же Амира. Он к сроку аккуратно вносит всю сумму, причитающуюся с сел. Узбековского, а затем идет взыскание, при чем с противной партии будет взыскано дважды путем невыдачи квитанции, или путем выдачи квитанции, с указанием меньшей суммы. Жалоба уездн. начальнику и расследование завед. полицейской частью установят ложность ее и наличие «партийной вражды». Если будет отказано во вторичной уплате налога, то будет отобрана за 8 руб. лошадь и тут же за эту сумму продана лицу своей партии.

Но самые главные злоупотребления происходят с «волостными сборами» (джурчилик), которые далеко превосходят по размерам законный окладной сбор с киргиз. Никакой отчетности по этим суммам не ведется. Конечно, если завед. полицейской частью перейдет в противную партию, то путем производства дознания среди новой «своей партии» он установит поборы, установит бесконтрольное расходование сумм и т. д., и волостное правление лишь в этом случае попадет под суд.

На противную партию возлагаются все натуральные повинности, а их очень много: а) выставление юрт для всех членов администрации, землемеров, межевиков, гидротехников, ботаников, агрономов, железнодорожников и друг. Организации.

еще не обсемиречившиеся, как, напр., Управление по постройке ирригационных систем в долине р. Чу, платят деньги. Но кому? Волостному управлению, т.-е. за юрты партии меньшинства получает партия большинства. Пусть не даст юрту лицу, у которого ее забирают. Попадет под суд или в административном порядке под арест на сутки 30 за сопротивление властям.

За кормление многочисленных чиновников в степи уездная администрация обычно не платит вообще. На выборах к проезду уездного нач. притотовляются вина, консервы, маринады. Все это закупается по списку, составленному переводчиком уездного нач. или — его письмоводителем, которые могут услужливо раз'яснить, что любит уездный нач. Уездный нач. приезжает со своей семьей, родственниками, знакомыми, двумя десятками всяких джигитов (с особой помпезностью происходит проезд Пржев. уездн. нач.); и за счет киргиз вся эта компания пьянствует целую неделю. Осмотрительные уездные начальники требуют счет. Один из волостн. упр. представил счет Пржев. уездн. нач-у на несколько сот рублей. Уездный нач. строго просмотрел и, сказав: «Я не мог с'есть на такую сумму», велел счет исправить. Он был исправлен в сумме 4 руб. 30 коп. В делах Переселенческого Управления мне пришлось видеть оправдательный документ производителя работ Мазуренко следующего содержания. «за все обратное Мазуренко и его техниками за такой-то период (несколько месяцев) сполна получено. Вол. упр. такой-то». Пристав Кутуков, сидя в долине Кебена, посылал киргиз в Верный то за коробкой сардинок, то за пивом и т. п. через снежные перевалы (будет верст 100). Для поезда всяческих чинов требуются лошади, их предоставляют киргизы. Вол. упр. отбирает их у лиц противной партии.

Дорожная повинность возлагается на лиц побежденной партии, и масса всяких других обязанностей возлагается при поддержке администрации на лиц побежденной партии: пожертвования, подношения, встреча солдат и т. д. и т. п.

Другой формой держания во власти побежденной партии является народный суд. Против непокорных или жалобщиков возбуждается уголовное преследование, чаще всего за кражу лошади. Решение производится в исполнение общей администрацией. Я был свидетелем такого дела: обвиняется киргиз в том, что он нагайкой избил другого и выбил ему глаз. За лишение его зрения народный суд его приговорил к уплате 400 руб. и какого-то количества лошадей. Я был «в заседании», видел потерпевшего, — на лице его было 2 одинаково красивых и здоровых глаза. Я обратился к уездному нач. и указал на этот факт. Уездн. нач. (Фавицкий) очень возмущился, велел вызвать потерпевшего, убедился в правильности моего сообщения и велел исполнение решения приостановить. А через месяц я узнал, что по каким-то причинам уездн. нач. выдал ему для исполнения копию решения, и оно было исполнено.

Все чаще и чаще партия меньшинства, стремясь освободиться от такой кабалы, заявляет о своем желании перейти в оседлое состояние, ибо в этом случае они будут устроены самостоятельной административной единицей. Партия большинства чувствует, что дойная корова ускользает из их рук, и начинается вакхан-

налия. Почти поголовно против всех уходящих бунтовщиков возбуждаются в нар. суде гражданские и уголовные дела. Прощение о переходе в оседлость посылается на отзыв уездн. нач., тот заведующему полицейской частью. Отзыв такой: переход вызывается желанием освободиться от пред'явленных в суде исков и обвинений, ибо по справкам оказалось, что как раз те, против коих они возбуждены, подписали прощение о переходе в оседлость. Помимо сего, дробление надела, в виду смешанности землепользования является неудобным и т. д. и т. п. Канитель тянется до 3-х лет, и при переходе в оседлость масса эта представляет собой совершенно обедневших людей. Мне приходилось бывать во многих волостях. Повсюду отмечалась надличность желанния перейти в оседлость и заявление, что они перейдут в оседлость и будут ждать устройства хотя бы 3 года, если только в административном порядке их отделият от кочевников (т.-е. обыкновенно партии большинства).

Полной невозможностью получить удовлетворение лицам из меньшинства объясняется масса дел, направленных в порядке 277 статьи Уст. Суд. Уг. и дел по 940 ст. Уг. Лицо из покровительствуемой партии должно лицу из противной партии 200 руб. Их не получает. Он обвиняет его в грабеже этих 200 руб. и направляет жалобу следователю. Или: по распоряжению манапа одному из его приближенных отдала дочь лица противной партии, не уплатив калыма. Он заявляет о насильственном отнятии и незаконном лишении свободы и т. п.

Для оформления судебных дел нар. суд и гарантии заемдавцев из покровительствуемой партии устанавливается оригинальный документ, под названием «урлухат» — расписка о краже, следующего содержания: «я, нижеподписавшийся, у такого-то взял 100 руб. займа и обязуюсь их уплатить такого-то. Если я к сему сроку не уплачу, то повинен признать в нар. суде себя виновным в краже у заемдавца 3 лошадей». Я видел много таких расписок. Но поразительно, что я видел много решений бийских, основанных на «урлухате» и утвержденных уездн. нач. к исполнению. Полтора года тюрьмы и исполнительный лист на 100 руб.; — и это не случайно. На мои возражения мне отвечали: «раз подписал, надо исполнить. Ведь его никто не неволил подписать урлухат».

Но к помощи суда манапы не всегда прибегают. Часто они сами принимают меры. Один манап распорядился молодую женщину за неверность раздеть и посадить на раскаленную железную печку. Жалобы не последовало. Манап отнимает через волостное управление от своих подчиненных лошадей и женщин. Не помню о каком-то бывш. зав. полиц. частью загорных волостей рассказывали, что приезжая в волость, он требовал себе невинных девушек и насиловал их. Дошла жалоба до губернатора. Произведено через пристава дознание. Выяснилось, что «они делали это добровольно и получали деньги — по 3 руб.». Удостоверено было расписками в Областное Правление о том, что он по просьбе отца такой-то получил обещанные ему за дочку 3 руб., и дело окончилось без всяких последствий для этого чиновника.

Все изложенное отнюдь не является основанием для заключения, что большинство волости благоденствует. По отношению к ней не предпринимается дей-

ствий, слишком энергичных, а обычные формы эксплуатации идут при молчаливом согласии партии — большинства, ибо переход в другую партию заменяет собой полное бесправие и окончательное разорение.

Таково внутреннее состояние волости, всю жизнь занятой тайной и явной партийной борьбой, раздражаемой интригами, ложными доносами, вымышленными делами, поборами, бесчинствами, покровительством со стороны администрации мананов, превратившихся в ростовщиков и эксплуататоров всего населения «бухары», «бичоры», т. е. бедноты.

В такой среде невозможна солидарность в каких-либо действиях. Невозможно возникновение каких-либо тайных дел, о коих не знала бы администрация, ибо лица противной партии об этом сообщат.

III. Национальное и религиозное «лицо» киргизского народа.

Дикие пастунеские племена киргиз никогда не представляли собой единого народа и никогда не были объединены как национальная или государственная организация.

Историками Туркестана (Пантусов, Гродеков и др.) удостоверяется, что с XIV века киргизы были попеременно под владычеством китайцев, калмыков, сартов-коканцев, которые обыкновенно с помощью одного племени киргиз поработали себе другие. Объединительных тенденций ни один из историков края не устанавливает, да этому всегда препятствовала племенная и родовая борьба, слагавшаяся на почве борьбы за пастбища и воду. С завоеванием края, эта раздробленность путем деления на волости, уменьшения размера их и т. п. с годами еще более двинулась вперед.

Что касается религиозных влияний в киргизской среде, то необходимо отметить, что будучи всегда под властью какого-либо народа, более развитого, киргизы подчинялись тем или иным религиозным течениям, иногда вводимым в их среду принудительно.

Археология и памятники старины твердо устанавливают развитие в крае буддизма (изображение Будды в Арасане, каменные статуи в районе Токмака и т. д.).

В Семиречье открыто много кладбищ христиан-несторианцев, пришедших во времена гонения против них (в XIV в. из Сирии). Такими являются кладбища в селе Лебединском, на западном берегу Иссыккуля, недалеко от Токмака и др. На многих могильных памятниках христиан установлены тюркские имена, что свидетельствует о распространении христианства среди киргиз. На многих памятниках имеются тюркские имена и надписи, удостоверяющие, что покойник с тюркским именем занимал значительную иерейскую должность. Встречаются киргизы в должности архиереев. Это обстоятельство указывает, что христианство получило среди киргиз значительное развитие. С завоеванием края коканцами вводится мусульманство. В Семиречье оно появилось не ранее XVI в. и, будучи введено принудительно,

не встречало радушного приема. Официально все киргизы в настоящее время мусульмане. О степени развития мусульманства можно судить потому, что во всей области нет ни одной киргизской мечети, кое-где встречаются на могилах глинобитные мулущки, нигде никогда не посещаемые. Общих молений, служб у киргиз нет. Духовенства ни своего ни пришлого у них почти нет.

Если об узбеках можно сказать, что мало есть лиц, которые не побывали или не считают нужным побывать в Мекке, то о киргизах приходится сказать, что во всей области вряд ли найдется 3 киргиза, которые побывали в Мекке. Влияние узбеков в этом или другом каком-либо отношении в киргизской среде не замечается и трудно наличие его предположить, так как узбек в сознании киргиза всегда выступает, как угнетатель и ростовщик.

Грамотность среди киргиз очень мало развита: русскую грамоту знают несколько человек, а мусульманскую очень незначительный процент. Мне не пришлось встречать ни одной, даже богатой, юрты, владельцы коих знали бы хорошо мусульманскую грамоту, найти какие-либо книги и очень редко даже хотя бы коран.

Газет не читают, и принудительно выписываемые «Семиреченские Областные Ведомости» лежат без употребления у волостного писаря.

Частая смена религиозных влияний (язычество, буддизм, христианство) в лице тех или иных завоевателей, на основе пастушеского быта киргиз является причиной отсутствия каких-либо прочных, охватывающих массы, религиозных движений. Эти же причины на основе отсутствия в киргизском обществе «своего» торгового капитала является причиной невозможности и широкого национального движения.

IV. Администрация.

Вышеописанная структура киргизского общества культивируется администрацией, для которой «партийная» борьба киргиз служит источником доходов.

Самый мелкий чин — стражник, переводчик и т. д. — это все состоятельные люди. Благосостояние это основано на сплошном взяточничестве. Формы его несколько отличны от обычной формы взяточничества. Разница в том, что в Семиречье чины администрации — члены «партии» и получают мзду в большинстве случаев от главарей партии. Эта форма взяточничества 2-х крепко связанных между собою лиц гарантирует от каких-либо жалоб, но если таковая произойдет, то дознание о заведующем полицейской частью будет производить пристав и ничего не обнаружит, ибо в свою очередь все чины администрации связаны между собой неразрывными узами и выдать кого-либо значит — выдать себя. Пример: стражник заведующего полицейской частью Матвеева составил протокол на какого-то киргиза, последний откупился за 10 руб., и протокол, уже подписанный, был порван. Все происходило при свидетелях. Давший взятку киргиз подобрал несколько ключков, на коих была подпись составителя протокола и провинившегося киргиза. По поводу этого случая была направлена одна жалоба прокурору, другая — губернатору. Дознание поручается произвести тому же Матвееву. Производится — факт

не подтверждается. Оказывается, что это была порвана неудачная редакция протокола и составлена другая, которую киргиз отказался подписать (sic!). Одновременно с сим волостной управитель оказался провинившимся — «посажен на 7 суток под арест и представлен к увольнению». Губернатор решил вопрос в том же направлении. Жалобщик был из партии большинства.

Этот незначительный по лицам и суммам пример — является подтверждением, что вся администрация пойдет на что угодно для того, чтобы выгородить любого стражника, ибо он не мало мог бы рассказать об этом Матвееве. Производя дознание, Матвеев кричал на жалобщика: «зачем ты так сделал, ты должен был по секрету мне сказать, а я бы заставил его отдать тебе 10 руб.; а то жаловаться прокурору? Да кто твой начальник, я или прокурор? Всякая жалоба, куда бы ты ее ни послал, все равно придет ко мне, и я буду ее разбирать, а не губернатор и не прокурор. А теперь твой вол. упр. к чорту, да и ты еще попадешь за ложный донос»

В данном случае вол. упр. представил Матвееву рапорт об увольнении писаря и о желании пригласить другого. Матвеев повременил с резолюцией на 3—4 недели, переговорив с «Алешкой» — писарем. За это время писарь ничего не делал и бумаг, входящих вол. упр. — не сообщал.

На основании сего Матвеев сообщает, что на целый ряд №№ нет ответа, и что распоряжения его не исполняются, в виду чего он просит сместить вол. упр., сообщив, конечно, противной партии, что он теперь будет поддерживать их, представит к назначению их кандидата. Условия выговариваются, и дальше идет, как по писанному.

В связи с войной возник новый источник злоупотреблений. Киргизы уплачивают с каждой юрты от 1—3 руб. в пользу Кр. Креста. Кибиток свыше 40.000 в Пишпекском уезде собрано официально с киргиз около 2 тыс. Ревиз. комис. Кр. Кр. обнаружено было еще около 20 тыс. руб. бывших в казначействе и 1.800 в депозите уездного пач-ка. Эта последняя сумма превратилась по другому отчету в 1.500 руб., а затем в 1.300 руб. Рассмотрев отчет за 1914 г. с документами, рев. ком. установила отсутствие целого ряда пожертвований, сведения о коих были в документах.

Акт этот был сокрыт вице-губерн. Осташкиным, не напечатавшим его в общем отчете по области и ограничившимся надписью на пишпекском отчете о том, что «отчет сей проверен. На подлинном подписи такие то», производящей ложное впечатление, что все обстоит благополучно. Я сделал заявление в Семыреч. Упр. Кр. Кр. прокурору Вахрушеву. Было назначено чрезвычайное собрание, избравшее чрезвычайную комиссию для вторичной проверки. Акт ревизионной комиссии подтвердился, несмотря на то, что к этому времени кое-какие документы уже исчезли. 2 остальных члена комиссии сдались и заняли сторону, защищающую правление.

В упомянутом заявлении, посланном на имя прокурора, я обвинял правление, в том числе и председателя вице-губернатора Осташкина «в подлогах и злоупотреблениях». Никаких содействий со стороны прокурора не последовало, ни рас-

следовании, ни привлечения меня к ответственности. На чрезвычайном собрании обстоятельно были изложены важнейшие подлоги и злоупотребления, подтверждаемые документально и зафиксированные на бумаге. Тогда были предприняты следующие манипуляции. Целый ряд недостающих вещей был продан (фиктивно), и составлены торг. листы. Продавал околоточный надзиратель Никонов, купил старший городской Григорьев, присутствовал другой городской, или на одном торговом листе «князь» Евдикимов, писец уездного начальника. Целый ряд документов был исправлен, заменен, целый ряд исчез совершенно.

Был составлен новый отчет, и созвано новое общее собрание. На этом собрании членами правления Панфиловым и Мурзабаевым были розданы созданной через А. Ю. толпе «чайханщиков» *) по 5 руб., и их тут же на собрании записали действительными членами Кр. Кр. и роздали написанные карточки с фамилиями членов правления. Старых членов было около 40 и около 80 вновь испеченных. По команде Мурзабаева, который по обращению председателя с вопросом, утверждает ли собрание отчет, скомандовал «тур» — встань, отчет был утвержден и весь «инцидент» о злоупотреблениях исчерпан.

Из злоупотреблений администрации необходимо еще отметить различные «коммерческие» манипуляции, вроде скупки мехов и т. д., и процветание мордобоя. Пом. уездного нач-ка Фовицкий ударил одного узбека так, что тот умер. Был судим — 30 суток гауптвахты. Меньшиков и Кутуков пробили барабанную перепонку — 7 суток гауптвахты второй и 3 дня ареста первый. Л. прозвали киргизы «чоккол» — большой дулак. Неоднократно излагал он теорию мордобоя без следов. Нужно предварительно смочить руку. При производстве дознания — перед ним ставили таз с водой. Избиения в полицейском участке при Грибановском дошли до своего апогея. Были всех, без причин, и русских, и туземцев. Более всех отличался городской Григорьев, близкий сотрудник во всех темных делах Грибановского. Произведен в околоточные надзиратели.

Целый ряд серьезных преступлений остается невыясненным и не обнаруженным, благодаря содействию администрации. Из моей практики мне известны 2 убийства. Оба трупа были спешно погребены, а впоследствии уже разрыты их могилы, благодаря появившимся слухам. В обоих случаях был медико-полицейский осмотр. В первом случае, в акте, составленном приставом Грибановским, труп был изображен следующими словами: «глаза закрыты, язык на месте, странгуляция на шее имеется». Через несколько дней по открытии могилы, оказалось: «глаза открыты и выпячены, язык высунут, странгуляции нет». Очевидно, первый протокол был составлен без участия врача Шафоростова, его подписавшего, человека большого и доверявшего полиции. Второй протокол подписал им же.

В столь незначительном городке, как Пишпек, целый ряд серьезных преступлений остается необнаруженными. По одному делу, следствие по коему вел Барсуков, обвиняемый в убийстве по оглашении приговора, заявил, что за 300 руб. он

*) Владельцы чайных домов.

условился идти в тюрьму, а не на каторгу. А настоящий виновник до сих пор гуляет по Пишпеку, и всем это известно.

Под присмотром полиции процветают игорные дома, уплачивающие определенное вознаграждение. Заместитель пристава Грибановского жаловался, что ему приходится выплачивать за кумарни *) по 100 руб. в месяц Грибановскому.

Подрядчики по постройке жел. дороги через неизвестного Л. требовали от киргиз приговора о том, что они уступают безвозмездно разработку камня и других строительных материалов на своих наделах. Киргизы обращались ко мне за разъяснением. Я объяснил, что они безвозмездно не обязаны уступать строительные материалы частному предприятию, каким является упр. Сем. ж. д. Подрядчики обратились к администрации. Путинцев и Грибановский вызвали представителей и «склоняли» их, чтобы киргизы сдали свое право за 5 копеек с куба.

Многочисленные жалобы на чинов администрации все остаются без всяких последствий для них, каковы бы серьезны ни были доказательства. И население в самых ужасных случаях не обращается с жалобами, а дает новые взятки. Другим путем сделать ничего нельзя. Мне припоминаются слова одного из чинов ревизии Налена, которому было поручено рассмотрение жалоб киргиз, признанных неосновательными: «Из 300 слишком рассмотренных мною жалоб, — заявил он, — по коим я произвел расследование, не оказалось ни одной не основательной, и за каждую из них лицо, на действия коего была принесена жалоба, подлежало преданию суду».

Такова та администрация, которая призвана управлять краем, равным по площади большому европейскому государству, таковы ее взаимоотношения с местным населением.

Следственная власть в Пишпеке, представленная М. С. Пацановским, всецело в руках у администрации. Следствие производится по плану, разработанному полицейским дознанием, самостоятельности в исследовании нет, собиранья объективных данных нет. Если полиции угодно сокрыть преступление, то незаметно даже стремления преодолеть это препятствие (как например, можно указать на дело Султана Муратова, погубленное в стадии предварительного следствия покорным принятым версией о самоповешении, несмотря на объективные данные, этому противоречащие).

V. Восстание.

Война застаёт туземное население края забитым, покорным, обедневшим, пролагавшимся, без каких-либо интересов к общественному самоуправству, развращенным системой взяток, подкупа, эксплуатируемым манапами, поселенцами, самоуправство которых поощрялось администрацией.

Война вызвала новые поборы с киргизского населения. Наряду с добровольными взносами русским населением, которые составляли ничтожную величину, с киргиз

*) Игорные дома.

выкачивали «пожертвования», за счет которых обогащалась администрация низшая и высшая.

По Пишпекскому уезду за ноябрь и декабрь 14 года, по официальным отчетам Красного Креста, «поступило» от киргиз Пишпекского уезда около 30.000 рублей, около 1.000 шуб, около 10.000 пайнаков, конны, чулки и т. п. Затем киргизы «обложили себя» в пользу Кр. Кр. налогами от 1—3 руб. с юрты. Отдельно от сего в большом количестве поступали пожертвования в Дамск. Кр. и друг. Общества. Киргизами предоставлены на нужды войск громадные партии юрт, много совершенно безвозмездно. Юрты эти перевозились к железной дороге чаще всего безвозмездно киргизами. Проходящим частям повсюду устраивались встречи и угощения за счет киргизского населения. На байгах *), выборах устраивались сборы на нужды войны, и собирались полицией значительные суммы. Село Ново-Николаевское безвозмездно доставило 90 лошадей.

Киргизы из каждой волости командировали рабочих для распахки, бороньбы, посева, уборки и обмолота урожая на полях солдаток (русских). Кое-где рабочие не выставляли и платили каждой солдатке по 18—35 руб. на «вспомоществование». Обращение с этими «добровольными» рабочими, в особенности в сел. Самсоновской, было до того скверно, что даже администрации иногда приходилось солдаток убеждать, что они хотя бы должны были кормить этих добровольных рабочих.

Приказ о «реквизиции» (не мобилизации) на тыловые работы взрослого туземного населения является приказом, явно провоцирующим восстание. Ни один администратор, конечно, не мог думать о возможности его реализовать.

Самой маленькой мобилизации среди русских предшествовала подготовка, разъяснение, самая мобилизация обыкновенно сопровождалась действиями, которые должны были обеспечить «спокойствие» и т. д. и т. д. Ничего подобного при объявлении «реквизиции» киргиз не произошло. Было приказано составить списки и доставить. Некоторые полицейские разъясняли киргизам об их работе на фронте следующим образом: «Вот, дескать, лежат в окнах «наши», а через поле немцы. Друг в друга стреляют, а вы между ними должны рыть канавы».

Постепенно стали с работ уходить киргизы, заявляя, что им надо идти домой, так как скоро им предстоит уход на войну. По такой причине стали уходить киргизы, работавшие на полях солдаток, заявляя, что теперь они тоже солдаты, и им самим надо справиться перед отъездом на своих полях. В некоторых случаях это вызвало неудовольствие солдаток, а в Самсоновке они даже обратились к администрации с объявлением, что киргизы бунт устроили, работать не хотят и просили вернуть их принудительно на работы.

Среди киргиз возникали планы ходатайствовать об отсрочке до 15 сентября, чтобы успеть снять урожай, возникал и проект просить о зачислении киргиз в казачьи войска с предоставлением им права на казачий надел и на такие же обязанности к войне, как у русских.

Конские состязания.

Через некоторое время после объявления реквизиции, когда все еще было спокойно, среди русского населения стали возникать кем-то пущенные слухи о предстоящих «бунтах» киргиз. Такие же слухи в отношении узбеков возникли вскоре после бывшего в Пишпекке разгрома лавок, произведенного русскими солдатами. Слух этот был нелеп уже по самому количественному соотношению в Пишпекке узбеков и русских.

Приближалось время «реквизиции». Администрацией был дан приказ составить приговоры о предоставлении волостью на нужды войны такого-то количества рабочих, и в волостях волостные власти и мананы приступили к этой работе на основе испытанной практики «партии».

Сразу обнаружилась острая «партийная» борьба на почве составления списков, при которой громадное большинство рабочих определялось из партии меньшинства. Причем в первую голову записывались в список отсутствующие и, следовательно, лишенные возможности протестовать. Это обстоятельство сильно повлияло на уход киргиз с работ в свои волости.

Сами мананы и вол. упр. увидали, что это слишком серьезный вопрос, чтобы провести его в обычном «партийном» порядке, и что масса не будет на эти несправедливости так же спокойно реагировать, как на другие.

Волостная власть, мананы стали съезжаться в уездные управления. Принимал целый ряд совещаний в присутствии уездной администрации, на которых выяснялось, что по поводу составления списков масса возмущается. Уездной администрацией было разъяснено, что списки должны быть составлены, что таков приказ.

Впервые здесь один из дунганских вол. упр. (Ново-Николаевск) Булар Могуи заявил, что он от составления списков отказывается и уехал. О происшествии был телеграфно извещен губернатор; от него получено было распоряжение заковать вол. упр. в кандалы и представить в Верный.

Между тем раз'ехавшиеся по своим волостям мананы и вол. упр. вернулись скоро в уезд. упр. и сообщали, что они боятся за свою жизнь, что за составление списков им угрожают смертью и что у многих из них и у пятидесятников были отпеты печати, дабы препятствовать им скрепить приговор; они указывали, что единственным правильным способом является явка всех киргиз призывного возраста в волостное присутствие, где вопрос должен быть решен путем жеребьевки и медицинского осмотра. «Мы являемся сюда. — говорили они, — вы угрожаете нам военным судом, если мы не представим списков, является в волость — нам угрожают смертью, если мы списки будем оставлять, как нам быть?» Был выработан текст телеграммы на имя Фольбаума с просьбой разрешить явиться в вол. пр. всем киргизам призывного возраста и решать вопрос о контингенте жеребьевкой и мед. осмотром. Вся волостная администрация, все мананы сидели в Пишпекке и ждали ответа. Телеграмма была послана 2—3, ответ получен 5—6 отрицательный. Раз данное приращение должно быть исполнено. Хотя в положительном ответе ни киргизы, ни администрация не сомневались, однако, даже такое разочарование не вызвало какого-либо орошения и вол. упр. лишь заявили, что они в

21

таком случае для порядка требуют стражников и джигитов уездн. упр. 7-го числа выехал Меньшиков в Затонн. вол., с ним было несколько солдат и целая свита манапов и вол. управ-ей. В таком же виде состоялся выезд по направлению Токмака исп. уездн. нач. Рымшевича (за несколько дней до событий Путинцев был уволен в отставку).

Таким образом, ясно было для всей киргизской массы, что администрация с солдатами, окруженная манапами по старинному порядку, выезжает для защиты партии большинства и, в частности, их манапов против «бухары», — против народа. По обыкновению ответ губернатора быстро облетел степь. Мало того, Пишпекский уезд получал уже сведения о фактах, о происшествиях в Верн. уезде, где на почве несправедливого составления списков в одной из волостей был убит вол. упр., и куда был послан отряд (если не ошибаюсь под командой Александра), заставивший своими действиями киргиз впервые броситься бежать. Часть бежала на Курдайские горы, часть в долину Чу, около Самсоновки и Карабулака, разнеся повсюду весть о жестокостях отрядов.

Эти движения толпы внесли страшное волнение (пассивное) в еще спокойно сидящие волости и сразу подняли слухи о том, что киргизы будут резать русских.

С другой стороны, эти бегущие толпы впервые стали захватывать лошадей (только лошадей, а не скот) для продолжения бегства, для чего были уведены лошади с почтовых станций на Верн. тракте. Там, где останавливались бегущие от карательных отрядов толпы, там и останавливались «беспорядки», волнения и увод лошадей. За Курдаем к западу все было спокойно. 7-го или 8-го получены были сведения о каких-то беспорядках на Курдае, о том, что почтовые станции ограблены и телеграфное сообщение прервано.

Слухи «о бунте» киргиз усиленно распространялись администрацией, и русское население с этого момента начинает вооружаться, сначала индифферентно, а затем все более интенсивно. Создаются — фронт, баррикады и т. д. Такой же слух о том, что русские будут резать киргиз столь же интенсивно разносился по степи. Этому слуху переселенцы, очевидно, находили подтверждение в бегущих из Верн. у. киргиз и выводили из того обстоятельства, что посланы солдаты, а мирное население вооружается.

Отряд, посланный между тем на Курдай, явился на ст. Отар и узнал, что все лошади уведены, а ямщики поехали за ними в степь. Когда вернулись ямщики и привели лишь 8 лошадей, прапорщик, командовавший отрядом, приказал им выстроиться и расстрелял их (сообщение Курдайского старосты). Весть об этом быстро разнеслась среди близлежащих волостей, и киргизы этих волостей бросились бежать со скотом, женами и скарбом, а отряд стал «усмирять» их «волнение» расстреливая. Бегущими толпами уже кое-где в это время были предприняты меры к самозащите от образовавшихся почти повсюду крестьянских дружин, у киргиз появились палки, вилы, кое-где насаженные на древко железные части. Толпы с

Курдая и Верненского тракта бросались к перевалам Александровского хребта: Шамсинскому под Токмаком и против Ивановки (название не помню).

Быстро облетела весть об избиении и расстрелах мирных киргиз, и началось паническое бегство в горы киргиз волостей, лежащих вдоль линии движения бегущих толп, а именно: по линии к Ивановке, Токмаку, и через Кастек на Карабулак, Самсоновку. Насколько правильно такое заключение видно из того, что в дальнейшем события разыгрываются у Самсоновки, Токмака и Ивановки, причем в селах, лежащих между этими пунктами, совершенно не было «осады», «нападения» и т. п., и далее к западу от Ивановки никаких событий не было.

Все это произошло мгновенно с 7 до 10 авг., и когда я 10 проезжал из Пушпека в Токмак, то от Покровки до Токмака долина была мертва, и ни одного киргиза встретить нельзя было, а русские поселки представляли собой вооруженный и укрепленный лагерь.

Известие о толпах в районе Самсоновки вызвало посылку карательного отряда в 100 штыков под руководством пристава Бакуревича, которому был Фольбаумом дан приказ «всех встречных киргиз уничтожать, а аулы сжигать» (сообщение Бакуревича инж. Веймарну), «что мы и сделали», — добавил Бакуревич. Дело это производилось таким образом, что, по сообщению М. С. Волкова, со слов того же Бакуревича, киргизские девушки «театрально» расфранчивались и бросались со скал вниз головой на глазах у казаков.

Бакуревич через Костек прошел на Токмак, а толпы киргиз, по отношению к которым решительно выполнялся приказ Фольбаума, бросались по направлению к Самсоновке. Другой отряд пошел из Верного к Курдаю, увеличивая панику и бегство. Целым рядом очевидцев устанавливается, что все эти дни по упомянутым трем направлениям происходила небывалая укладка киргиз в горы Ихали жены, дети, везли котлы, скарб, кошмы и т. п.

Бакуревич, между прочим, рассказал в присутствии инж. Веймарна, мир. судей Волкова и Королевского и д-ра Петровича, что в селе Михайловском (Карабулак) он нашел, что целая киргизская волость Карабулакская сдвинула свои юрты к русскому селу, заявив, что они будут вместе с крестьянами сражаться против киргиз, если те нападут. Эта была счастливая мысль спастись от действий карательного отряда. Однако Бакуревич взял заложников и повез их с собой, но рассказал он, «мои шутники потопили их по ошибке в Чу».

Карабулакская волость, несмотря на это, до сих пор спокойна.

Тогда же Бакуревич сообщил, что утром он воздвигнет виселицу для устрашения населения. На возражения, что при отсутствии военного суда этого делать нельзя, он заявил, что «мои ребята и без виселицы в таком случае обойдутся». На следующий день были «изловлены» 16 мирных жителей Токмака, давно порвавшие со степью, и убиты 13 на шерстомойке Милушева и тут же закопаны и 3 около бойни. Между прочим, был убит старик-киргиз, 20 лет проживавший в Токмаке, сторож при читальне киргиз, его сын, служивший на почте, и гимназист-киргиз. Других не знаю. Этких 3-х убил некий Макаров, житель Токмака, без опр-

деленных занятий, сообщавший о своем деле в присутствии д-ра Цертовича. Он рассказал, что «уж больно мальчишка просил, чтобы его не резали, а расстреляли». В этот же день жены поселенцев стали ходить по дворам и спрашивать, нет ли во дворе работников-киргиз, убивая встречавшихся киргиз.

С вечера казаки рассыпались по степи. Утром они привели верблюдов с награбленным имуществом, которое открыто продавалось на базаре.

Когда я 16 выехал из Пишпека, то было в Пишпекке официально сообщено о том, что Токмак окружен и осажден 10.000 киргизами. На утро мы приехали в Токмак: нигде ни души, ни осады, ни киргиз.

В 11 часов 12 августа Бакуревич с сотней казаков выехал к Шамсинскому перевалу, где действительно была толпа, по словам Бакуревича, от 1.000—1.500 человек. Киргизы эти были уже вооружены дробельями и пиками; по словам того же Бакуревича, у них было 3—5 ружей. Бой закончился убийством 300 киргиз (сообщение Бакуревича), одного казака, упавшего с лошади, был ранен один казак. Ночью ждали нападения — его не было. Нападения или осады вообще нигде не удалось установить (при проверке многочисленных о сем слухов) до 28 августа. Так, например, в Самсоновке возвратившиеся 12 дружинников из Токмака, отправившиеся с Рымшевичем, сообщали, что в Самсоновке «боев» нет, что осады нет, что киргизы не нападали на Самсоновку, но что Рымшевич каждое утро выступал в горы, где были толпы киргиз и там «с ними сражался» Дружинников этих было от 7—10 человек, и они свободно переехали из Самсоновки в Токмак, не подвергаясь никаким нападениям.

Возвращаясь назад. Шествие Рымшевича носило тот же характер, что и Бакуревича. С Токмака, имея вокруг себя манатов, он стал расстреливать уже на дороге к Самсоновке киргиз и исполнили киргиз по левому берегу от Токмака до Самсоновки. Вокруг Самсоновки он уничтожил мулушки и почетные могилы.

Такую же роль распространителя паники и насильственных действий против киргиз взял на себя в Ивановке княз. Сыромятников, организовавший добровольный карательный отряд, бродивший по горам и «ловивший киргиз» (дословное его выражение).

Этим же Сыромятниковым был отдан приказ о выселении русского сел. Салтан в Ивановку и Краснореченского сел. в Пишпек. Оригинально то, что село Краснореч., покинутое жителями, не имевшее баррикад и дружины, не подверглось даже разграблению со стороны киргиз. То же о сел. Ст. Токмак, находящемся между Самсоновкой и Токмаком. Слухи, как-то пускаемые в оборот и подтверждаемые официальными сообщениями администрации, все время опережали события и почти всегда оказывались ложными. 9-го стало известно от воинского начальника Писсаржевского, что Арасан отрезан; от публики, что все население перерезано. На Арасане было около 100 детей и женщин. Почти не было мужчин. Поехавшие 9-го на Арасан встречены были недоуменными взорами жен по поводу их неожиданного приезда. Вскоре приехали солдаты, передавшие приказание Писсаржевского «всех выселить».

Инж. Грошачевский ночевал в одном караван-сарая с толпой киргиз человек в 300, никакому насилию не подвергся. Целый ряд лиц, работавших в горах, отмечают заметное движение киргиз в горы и полное отсутствие с их стороны каких-либо эксцессов. Партия землеустроителя Пирогова настолько близка была от вооруженной толпы киргиз, что сняла ее (снимок есть) — их не тронули.

Первым эксцессом со стороны киргиз было убийство Назарова, Долгополова и Фитингоф. Об обстоятельствах убийства первых двух (8-го) Денель и Копытовская (см. рапорт на имя нач. раб. по орошению) рассказывают, что Назаров с техниками и рабочими встретил толпу киргиз около Самсоновки и первый открыл стрельбу: у всех русских были ружья. Человек 40—50 киргиз было убито. После этого киргизы бросились на них. За исключением всех, успевших проскочить, Назаров и Долгополов — были убиты. Фитингоф была ранена ударом топорика в голову. Она пролежала около 3 дней на дороге, по которой ехали киргизы, и ее не добились. Это безусловно были уже обезумевшие — от ужаса шествия Бакуревича киргизы, впереди его бежавшие через горные проходы. Может быть, что к ним уже присоединились и местные киргизы. Во всяком случае, кровь была уже ответом на убийства Бакуревича и других. Несколько жертв на Санташе (вплес Иванюки) были ответом на действия ивановских добровольных карателей. 2—3 убийства в районе Токмака были ответом на действия Рымшевича и Бакуревича. Толпа уже была вооружена, ибо она воочию убедилась, что если будешь сидеть в юрте, тебя убьют, сядешь на лошадь, бежать в горы — убьют, будешь вооружаться — убьют.

При таких условиях обезумевшей от ужаса и паники толпе ничего не остается делать, как защищаться, и эксцессы с отдельными лицами, застигнутыми в горах, являлись метью приведенной в ярость действиями администрации голпы.

На обратном пути из Токмака (13 авг.), в Дмитровке (24 версты) у Токмака и в 15 верстах от Иванюки, начальник Дмитровской дружины Семен Поталов сообщил, что прибежала вооруженная толпа киргиз человек 700. Дружинники выступили против них и хотели стрелять, но он их удержал и, оставив оружие, пошел на переговоры. «Зачем вы вооружились?» — спросил он. «А зачем вы вооружились? Вы хотите нас всех перерезать?» — был ответ. Поталов: «Нет, мы вооружились, считая, что вы нас будете резать. Ведь вы бунтуете?» Кирг.: «Нет, мы так понимаем, что вы бунтуете». «Говорили мы с ними». — сообщил Поталов, — «а у старшего их, как у малой детины — слезы бежали из глаз. Пожали друг другу руки и поехали в разные стороны».

Этот факт необычайно характерен для понимания «киргизского восстания», созданного взаимной паникой и вооружением друг против друга, разжигаемых действиями администрации и карательных отрядов.

13-го городские в Пишпекке обходили дома и объявили всеобщую мобилизацию. На сборном пункте (у казарм) Писсаржевский произнес следующее слово: «Вы все с этого момента мобилизованы, за критику действий властей будете под-

лежать военно-полевому суду. Из вас организуются карательные отряды, имеющие целью навести ужас на все туземное население. Как это надо будет сделать, вам будет разъяснено, а пока это является военной тайной. Каждый из вас обязан явиться вооруженным. Чтобы не было отговорок — нет ружья — возьмите вилы, если не хотите погибнуть. Положение серьезное. Все должны явиться на лошадях. Нет лошади — возьмите у соседа. Если не дает — сообщите его фамилию мне, он будет подлежать военному суду». В тот же день организовались дружины.

На следующий день уже была тревога. Колокольный звон, отсюду скакали вооруженные дружинники. Оказалось, что застрял по дороге в Пишпек автомобиль, и пока его вытаскивали, собралась толпа киргиз, глазевших на это происшествие. 14-го в Беловодске приставом Грибановским было арестовано 138 киргиз и при бумаге и под охраной нескольких дружинников препровождены в уездное управление. Уезд. нач. до этого дня был пристав г. Пишпека Т. (бывший маркер, назначенный на эту должность ген. Фольбаумом), в этот день был назначен Путинцев. У Путинцева сидели инженеры: Васильев и Нефедов, когда явился кто-то и доложил, что привели 35 киргиз из Беловодска арестованных. Прочтя бумагу, Путинцев сообщил, что препровождено 138. Оказалось, что арестованные были избиты по дороге в Сукулук и Челоказаках, причем в живых осталось лишь 35 человек. Получив распоряжение куда-нибудь их поместить, пришедший ушел. И вот в тот самый вечер часов в 10—11 на церковной площади этим киргизам приказано было лечь, и они были городовыми и дружинниками все перебиты штыками под музыку из сада, не употребивши ни одного патрона. (Свидетели д-р Цертович и инж. Нефедов). Портной Штейнфельд сообщил мне, что «он был на дежурстве в качестве дружинника, пришел городской и сказал: «смотри, чтобы никто не проходил, сейчас будем кончать киргиз». Другую партию пристав велел встретить за городом и там перебить, «чтобы не было шума».

С площади трупы (говорят, были и полуживые люди) были вывезены по распоряжению пристава в степь, «где берут глины» и там закопаны. Солдат, бывший в карауле, рассказал помощнику прис. пов. Рубинштейну, что в уездн. упр. были и нескольких уже там убили; что пристав велел их увести на площадь дать им отдохнуть, а через полчаса приехал на площадь, спросил: «уже отдохнули?» р., получив утвердительный ответ, приказал вывести трупы. Арык был запружен и кровь смyta.

Воинский нач. по этому поводу заявил, что об этой истории не надо говорить, так как придется установить версию, что они сделали попытку бежать. В тот же день 14-го в Беловодске вслед за арестованными явились пешком киргизы с просьбами о том, чтобы арестованных освободили. На базаре было еще много любопытных. Образовалась толпа киргиз свыше 600 чел. Их окружили и ввели во двор вол. упр.

Вся эта толпа без одного выстрела была перебита палками, поленьями, топорами. Нагруженные трупами и полуживыми людьми телеги проезжали через полуживых с целью их прикончить. В этот же день дружинники бродили в близлежа-

ние волости и подвергли их полному разграблению, убив многих киргиз, обнаруженных в юртах. В аресте этой толпы принимал участие пристав Грибановский, который при избивании, согласно его заявлению, не присутствовал. Избивавшие лица известны, равно, как известно, что мещанин Полтавский участвовал в избивании в Пишпек. Он заявил Цертовичу: «Надо было бы взять старые вилы, а то вчера новые вилы обломал об этих киргиз». Не трудно установить и городских, сопровождавших арестованных.

В районе Беловодска начались и со стороны киргиз кое-какие эксцессы. Повсюду начались грабежи. Из рапорта на имя воинского начальника производителя работ Лукашина видно, что 2 русских дружинника, вооруженных ружьями, явились в «мирную», еще не встревоженную волость и терроризируют население целой волости, отнимая имущество и угрожая смертью. Лукашин их обезоружил и выгнал. Толпа киргиз с ревом и плачем бросилась к нему, спрашивая, что они должны теперь делать?

Самсоновцы выезжали в степь, пригоняли скот, напр., 600 баранов, 20 коров (см. рапорты Денель и Копытовской). На Курдае архангельцы занимались тем же. Во дворе воинск. нач. были лошади, бараны и скот, отнятый у «неприятеля». Был арестован субъект, который обирая киргиз под какими-то видами, полицией почему-то невыясными.

Вокруг Пишпека 16—18 были воздвигнуты баррикады. Строили баррикады почти исключительно туземцы (около 600 чел.), русских было не более 5—8%.

Когда узбеки явились к воинскому начальнику, прося записать их в дружины и послали верноподданническую телеграмму с просьбой разрешить им вернуться в дружины (на имя нач. раб.), то жандармский полковник Косоротов стал подговаривать Лугина и купца Калинина послать телеграммы на имя нач. раб. от имени русского населения с просьбой не разрешать этого.

В Пишпек оставшийся Путенцев был против «восстания», и беспорядков не было в 12 волостях, окружающих Пишпек, несмотря на то, что киргизы этих волостей в близких отношениях с киргизами, перебитыми в Беловодской волости.

Когда же Рышкевич в Токмаке получил известие, что он назначен руководить фактически действиями, то он снял фуражку, перекрестился и сказал: «Наконец, мне дали поручение любимое, я же им покажу». Он сдержал свое обещание. 27-го я выехал из Пишпека в Ташкент. По пути все было спокойно и имело нормальный вид. В Мерке я был часов в 12 дня 28-го. Необходимо отметить несколько фактов, рисующих начало так наз. «восстания». Днем мужики с палками в руках загоняли «свой» скот, который никак не мог узнать хозяйских ворот.

Это явно был уже награбленный киргизский скот. По дороге из Мерке я встретил бегущих в горы киргиз с женами и скарбом. Далее встретили 3 солдат, только что отбивших у какого-то киргиза 3 верблюдов, на которых они весело направлялись в Мерке. На первой станции (Луговое) у старосты станционного

узнали, что сельский староста ударом кулака убил ямщика, стоявшего ~~близ~~ станции. «Если бы я быстро не загнал остальных киргиз во двор, — сказал он, те и другие мужики последовали бы ему примеру» (возвращались со схода). В то время, как мы ждали лошадей, один из солдат (их было на станции 3) помочился в лицо лежащему ямщику-киргизу. Такие факты были повсюду прелюдией к массовому грабежу и вмешательству вооруженной силы, препятствующей бегству в горы.

По дороге от офицеров мы узнали, что ночью того же дня «вспыхнуло восстание». Между прочим, в Мерке мы узнали, что все волости списки уже составили, за исключением 2 (Каракистанской и еще одной), где списки составляются. Из таблицы видно, что эти 2 волости должны были представить около 400 раб. По дороге из разговоров с встречными молодыми прапорщиками, полными энергии, мы имели право заключить в соответствии со всем уме пережитым, что «восстание» обеспечено. Киргизы будут убегать. В собравшиеся толпы будут стрелять. Через день они вооружатся, и тогда уже откроется полная основательность их «уничтожения» (термин этот стал официальным — см. объявление Писсаржевского).

Наряду с опасностями и серьезностью положения, описанного Писсаржевским, автомобили, реквизированные им для военных нужд в самый разгар военных действий, были употреблены: 3 автомобиля для доставки в Верный дочери губернатора, другой для доставки в Верный профессора-геолога, приехавшего для дачи заключения о возможности провести Верн. линию с точки зрения сейсмической безопасности. Шобдановцев (детей полковника милиции Шобдана), оказавшего большие услуги в покорении края, называет администрация главарями. Один из них Саметин 8 августа был в управлении работ по орошению и просил у пом. нач. раб. Нефедова удостоверить список киргиз, занятых на работах ун-ния, как освобождаемых, согласно распоряжения ген.-губерн., от явки по реквизиции. Другой — Кемел — о нем известно, что он взял на свое попечение русских детей и женщин, оставшихся на лесопильном заводе в долине Кебина.

Кстати: интересная черточка. За несколько дней до событий Токмак. пристав Байгулово под страхом серьезного наказания требовал от киргиз, работавших на постройке орошения около Токмака, чтобы они работы оставили, разъясняя, что управление врет, что они будут освобождены от реквизиции, что на самом деле их собранных вместе прямо с работ возьмут и мобилизуют (см. рапорт Сыромятникова на имя нач. раб.). Этот же Байгулов еще до приезда Рышцевича был в районе Дж.-Арык-Токмак. Что он там делал, неизвестно. Но он был с вооруженным отрядом.

Что увод лошадей не явился эксцессом исключительно против русских, видно из того, что лошади из табунов, принадлежащих туземцам, тоже были уведены (у Милушева, Ёнгалычева, Гали-Узбекова, Аминжанжанбаева). Лошадей захватывали, где бы и чьи бы не попадались для бегства от надвигающихся карательных отрядов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Из всего вышесказанного с необходимостью устанавливается следующее:

1. Киргизы систематически работой различных органов правительства, в том числе Перес. Управления, были совершенно обезземелены, хозяйство их разорено. Однако, это обстоятельство не было непосредственной причиной восстания, так как, наряду с этим процессом разрушения хозяйства, шла работа по дезорганизации их общественности, достигшей таких размеров, что у них невозможно ни одно, самое узкое секретное собрание, никакая подровка к восстанию и т. д. Малейшие попытки стали бы известны администрации через «своих» киргиз волости.

2. Причиной восстания не могли быть ни национальный, ни религиозный моменты, что мной было доказано на страницах 42—45 этого показания, ибо они значительно более слабо выражены, чем у узбеков, а среди них восстания не было.

3. Восстания против войны, как таковой, чем многим хотелось бы объяснить этот «бунт», не могло быть в силу хотя бы низкого уровня политического развития киргиз, которые плохо даже знают, кто с кем воюет, и потому, что они сами просили, чтобы их брали на тех же основаниях, что и русских.

4. Остается одно: восстание было результатом провокационной работы всей администрации, не исключая высшей (Ташкент и Семиречье), направленной к тому, чтобы вырезать киргизское население и очистить земли для дальнейшей колонизационной деятельности правительства. Нелепые и провокационные приказы, ложные разъяснения чинов администрации, натравливание русских поселенцев, организация из них отрядов, безнаказанность массовых убийств и бесчеловечеств — все это было направлено на провокацию якобы восстания, которое давало бы основание к массовому «уничтожению» киргиз. Действиями воинских отрядов и крестьянских дружин, вооруженных и организованных полицией, администрация края искусно расширяла район и остроту волнений, все более превращая киргизское население в неприятеля в глазах проходящих войск.

Ташкент, 3 сентября 1916 г.